

УДК 94 (438)

Юрий Сулаберидзе

НАЧНЕТСЯ ЛИ НОВЫЙ ЦИКЛ ГРУЗИНСКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ: В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

У статті автор аналізує політичні процеси, що відбувалися після серпневої війни 2008 року. Вони виявили глибокі внутрішні суперечності, створеного в результаті “революції троянд” політичного режиму, що зумовили його кризу і поразку на парламентських виборах 2012 року.

Ключові слова: криза пострадянського суспільства в Грузії, партикулярність, політична гра, коеволуція правлячої еліти, загальнонаціональний лідер.

1 октября 2012 года в Грузии состоялись парламентские выборы, результатом которых впервые в ее постсоветской истории произошла демократическая смена власти.

Эти события могут стать ключевыми в трансформации грузинского государства и общества на пути к европейской цивилизации. Эти процессы должны содействовать выходу из сложнейшего социотарного кризиса, в котором находится грузинское государство в последние пять лет его существования [1].

Пришедшей к власти в Грузии политической коалиции “Грузинская мечта” предстоит в течение первых шести месяцев правления решать сложнейшие задачи в различных сферах: экономике, социальной системе, образовании, здравоохранении.

Эти сферы особенно пострадали в результате необдуманных скоропалительных реформ политического режима “цветных революционеров”, и привели к серьезному ухудшению социального положения значительной массы населения.

Поэтому для грузинского электората предвыборные обещания лидера “Грузинской мечты”, грузинского миллиардера Б. Иванишвили стали надеждой на спасение.

Цикл правления “цветных революционеров” продолжался 9 лет (2003–2012 г.) и привел к слову многих устоявшихся стереотипов политического поведения, породил элементы новой ритуальности, театральности, но в целом провозглашенная лидерами “цветной революции” т. н. “ментальная революция” не смогла подорвать фундамент традиционной ментальности.

В Грузии реформации общественного устройства, слом советской системы правового и обыденного мышления происходили на фоне усиления авторитаризма, принявшего в некоторых формах элементы восточного деспотизма.

Поэтому “победители” уже говорят о необходимости очередного пересмотра Конституции Грузии в сторону парламентарной республики, создания институциональных основ, препятствующих сползанию исполнительной власти в неконтролируемый авторитаризм.

Чтобы разобраться с тем, как новая власть будет искать пути выхода из кризиса, необходимо еще раз кратко определить те проблемы, которые остро стоят перед Грузией после правления М. Саакашвили. Хотя пока еще в течение года М. Саакашвили останется на посту президента. Это также составляет своеобразный парадокс нынешней расстановки сил на политической арене Грузии, когда правительство будет представлять победившую “Грузинскую мечту”, а президентом до конца октября 2013 года оставаться лидер уже оппозиционной партии “Единое национальное движение”. Смогут ли они найти компромиссы и мирно ужиться на довольно узкой политической площадке?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать социальную систему. В Грузии сложилась пирамидальная социальная система, характерная для слаборазвитых

стран: 2,5 % богатых людей, в целом около 5 % людей относятся к зажиточным слоям. Они связаны с властью и бизнесом-импортом, владеют недвижимостью и контролируют стратегические отрасли: транзитные коммуникации, медию, банковскую систему, туристическую инфраструктуру. При этом необходимо принимать во внимание характерную особенность организации власти в постсоветской стране, где власть и собственность неразрывно связаны.

10 % составляет средний класс, который как-то старается вести бизнес в тяжелых условиях давления власти. В современном представлении это даже не средний класс (его доходы явно не равны 50 тыс. долларам в год, как в США). Огромное большинство населения – около 80 % следует отнести к слою бедных и даже нищих (около 20 %).

В Грузии увеличился процент бедности, хотя власть утверждает, что число бедных семей сократилось с 2004 года по 2011 год с 54 % до 20 %, но социальную помощь получает 1 700 тыс. человек, на 125 тыс. больше, чем было в 2008 году.

Однако, данные социологических опросов, проведенных Национально-демократическим институтом США, показывают, что для населения Грузии в течении последних лет, проблема безработицы продолжает оставаться главной. Согласно результатам опросов респондентов за 2010 – первую половину 2011 год, эта проблема беспокоила от 59 % до 61 % респондентов.

В целом, до 73 % респондентов признают себя безработными. По сравнению с 2008 годом увеличилось с 25 до 38 % число семей, чье положение ухудшилось. А число семей, чье положение улучшилось, сократилось с 27 до 13 %.

Социально-экономические проблемы в обществе, где обнаруживается глубокий раскол по социальным кластерам, стал очевидным. В явном запустении сельское хозяйство, продукция которого не находит рынка сбыта. Огромный российский рынок утерян с 2006 года. Конкретные цифры экспорта грузинского вина, цитрусовых и минеральной воды показывают сокращение экспорта. Сократился и импорт, который в несколько раз превышает экспорт. Незрелость экономических структур, невысокая покупательная способность населения демонстрируют узость национального рынка и слабость позиций национальной буржуазии. Клановая система организации власти и бизнеса тормозят выход из кризиса.

В этих условиях обнаружилась узость основ для демократической трансформации общества. 44 % опрошенных считают, что в стране не существует демократия. 42 % утверждают, что Грузия развивается по неправильному пути. Острыми остаются проблемы обеспечения свободы меди, защиты прав человека.

Следует отметить при этом, что дискурс демократии в грузинском общественном мнении носит либеральный характер в силу приоритета основного понятия – “свобода”. В историческом сознании глубоко актуализирована теза – “свобода от” патрона. Она нашла отражение в позиции-выборе “наименьшего зла”. В целом это ущербная трактовка понятия свободы, негативная номинация. Поэтому столь парадоксально выглядит ответ на вопрос: кто в большей степени способен на изменения существующего положения? В целом 60 % поддерживали политику властей, при которых социально-экономическое положение ухудшилось для большинства семей [2].

Почему респонденты делают парадоксальные заключения? Не является ли отражением деформации общественного сознания в условиях авторитарного режима?

Интересно следующее: традиционные пласты, в том числе и недавнего советского прошлого, действительно, ликвидируются. Но при этом возникают не институционали западно-европейской формации, а на восточный манер возводится здание “гибридного общества”, которое только отдаленно напоминает западную модель цивилизации. В действительности, это какая-то разновидность евразийского авторитаризма, персоналистского режима с глубоким расколом общества на отдельные слои и классы.

Автор одной из работ, посвященных природе “цветных революций”, утверждает, что политические режимы постсоветского варианта “подчинены патримониальной логике

функционирования отношений власти–собственности. Ключевую роль при этом играют не рационально-легальные отношения, а клиентарно-патронажные связи” [3, с. 228].

Нужна кардинальная смена координат развития, отказа от идеологических догм. Необходима выработка национальной концепции политического и экономического развития, основанного на национальных приоритетах и учета тех глобальных изменений, которые произошли в последние годы. А это требует новых лидеров-прагматиков, разбирающихся в сложных процессах развития многополюсного мира, тенденций современной экономики, готовых идти на компромиссы в интересах развития национального организма. Время сиюминутных революционных потрясений, заложников воли идеологов глобализма ушло в прошлое.

Грузия не должна быть заложником чьих-то интересов. Она должна развиваться, опираясь на выработанный веками “способ жизненного проявления, фундамент духовной культуры”. Это медленный эволюционный процесс нахождения своего места в складывающейся в начале XXI века новой геополитической структуре.

Общество не только расколото, но и еще расплыено, дисфункционально. В этих условиях трудно говорить не только об единстве, но и организованности тех слоев, которые могут аккумулировать свои интересы в партиях равновесия, стабилизации.

Социальная структура грузинского общества объясняет: почему в Грузии нет стабильности, альтернативы. Такое большое количество мелких партий-партикулярных лидеров, не определивших правила игры и не способных пойти на большие союзы для достижения хотя бы краткосрочных целей, представляют собой закономерность в стране, задержавшуюся в транзите. Поэтому усиленно эксплуатируется символически-культурный капитал, используются медиа-информационные технологии, чтобы сыграть акты “успешного продвижения по пути реформ модернизирующейся страны”. Последним по времени аккордом успеха на пути реформации стал лозунг – “нового экономического курса страны–лидера реформ”, связанного с упрощением налоговых и таможенных процедур и создания свободных экономических зон”.

Нам представляется, что лидеры революции, эксплуатируя символически-культурный капитал, создавая виртуальный мир страны-реформатора, разыгрывают драматургию спектакля, используя, как справедливо заметил французский исследователь Ги Дебор, “фальшивые модели революции” в стране отставшей в своем развитии, находящейся на периферии развитого мира.

С полным основанием, перефразируя Ги Дебора, можно сказать, что на границах западного и евразийского мира разыгрывается “спектакль, господствующий над слаборазвитыми регионами не только посредством экономической гегемонии. Оно (общество-носитель спектакля. – Ю. С.) господствует над ними и в качестве общества спектакля... Оно определяет программу правящего класса и направляет его формирование. Подобно тому, как оно предоставляет псевдоблага, которые следует возделывать, оно также предлагает местным революционерам и фальшивые модели революции” [4].

“Мини-отцы” должны были разыграть “спектакль, господствующий над слаборазвитыми регионами”, представив их “маяком геополитической революции”.

Действует концепция, открытая американским социологом Эрвином Гоффманом, согласно которой лидеры создают ситуации, чтобы выразить символически те значения, с помощью которых они производят хорошее впечатление на других.

Он рассматривает политические ситуации как драматические спектакли в миниатюре: люди действуют подобно актерам на сцене, используя “декорацию” и “окружающую обстановку” для создания определенных впечатлений. Политик, как актер, действует так, чтобы “производить на людей необходимое для него впечатление, под воздействием которого другие станут самостоятельно делать то, что соответствует его собственным замыслам” [5].

В этом политическом театре актер-политик должен производить впечатление, чтобы зрители посмотрели на него его же глазами. Нужен антураж-фасад демократии – стеклянный

мост, фонтаны, витрины новой столицы, производящих впечатление на тех, кто ушел вперед в своем развитии. Необходимо напомнить им о “древнейшей европейской стране” с “уникальными культурно-историческими традициями”. Все это “артефакты” для демонстрации избранности, дающие основания для допуска в “дом избранных”.

Поэтому так много впечатлений, театральной игры, стараний имиджологов и специалистов политической рекламы.

Революционеры создают ситуации, вернее, их провоцируют, играют на грани трагифарса. Все эти программы и мессиджи звучат с уст революционеров, как плоды неолиберальной модернизации Грузии, которая, по их словам, приобретает роль и статус лидера в регионе.

Но для этого, прежде всего, необходимы не импортные осколки неолиберальных моделей преобразования, выдернутых из контекста, а та “пьеса возрождения”, которая свяжет реформацию с корнями, почвой, позволит взрасти новые побеги “древа желания”. Необходима среда, освобождающая от необходимости виртуальных манипуляций, открывающая возможность действительной свободы творчества, самовыражения.

Такую идеологию не могут найти в расколотом обществе спектакля ни “розовые революционеры”, ни их дублеры, одержимые только идеей быть “первыми”. Поэтому политический спектакль не может вырваться из заколдованного “кавказского мелового круга”.

В отсутствии идеологии объединения, трудно отличать партии “левой и правой” ориентации. Но много партий, “играющих” в ориентацию. Позиции “центра” узурпировала правящая партия, хотя она больше относится к партиям праволиберального направления. Сейчас ее задача –добиться консервации ситуации, укрепление завоеванного, стремление стать доминирующей партией и создать видимый каркас парламентской демократии в лице “управляемой оппозиции”.

На политической сцене видны те же самые сюжеты, те же самые сценарии, и те же самые актеры, продолжающие играть на позициях негативизма – в выборе “меньшего зла” среди “союзников-противников”. Отсутствует позитивная составляющая политического процесса и политическая энергия выливается в плоскость виртуального театрального представления. Приоритет отдается форс-мажорным ситуациям в духе трагифарсовых представлений с переодеванием масок “патриотов и демократов”.

Претендентов на роль “спасителей и жертв” “древнейшей европейской страны” много. Но реальной альтернативы “магическое, иллюзорное мышление” не представляет.

Политический неолиберальный дискурс в стране с грузом социальных, политических проблем не представляет иных возможностей в поиске альтернатив. Они могут появиться только в случае появления новых акторов на политической сцене, прагматически реально мыслящих, исходя из контекста окружающей среды. И оценивая те требования к политической системе театра, разрешение которых способно сделать ее более открытой к инновациям, поискам новой ритуальности.

Этот путь, представляется может быть связан с возвращением к корням. Некий фундаментализм позволит лучше оценить возможности создаваемой системы, вернуть театру свою природу по обогащению, катарсису переживаемого периода транзита, конверсировать требования в новые решения и нормы постсоветского спектакля, вырвать его из заколдованного круга, ярким примером которого стала “мотивированная хроника” 13 марта 2010 года.

Это был апофеоз виртуальной картине развития постреволюционной политической истории Грузии, когда реальность и вымысел слились в своей провокационной символике. Была создана картина, в которой блеф и пародия были воплощены в форму трагифарса. Все каноны театрального спектакля были нарушены. Зритель стал соучастником трагифарса, поставленного сценаристом, рельеф происходящего вывернул время наизнанку.

“Драматургия прямого включения” не оставила зрителю даже возможности для размышления. “Виртуальная российская агрессия” обернулась агрессией против собственного зрителя, поставила его на грань ожидания катастрофы.

Это никак не назовешь театральной задачей образного переживания, преобразования зрителя. Это стало опустошением зрителя, уставшего от провокаций в свой внутренний мир со стороны “телегероев” виртуальной действительности.

На этом пути закрываются все створы “театрализованной системы политики”, ставится под вопрос существование политики как самостоятельного феномена.

Театрализация политического процесса обусловлена ущербностью дискурса воспринимать исторический процесс как противопоставление отдельных периодов истории, как периодов “революционных и контрреволюционных”, “реформистских и контрреформистских”. Хотя в реальности, это может быть только различная ритмика движения процесса волнообразного, когда одна волна накладывается на другую. Образно говоря, когда переворачиваются пласти, то они возвращаются к своим истокам, но происходит их приращение. Двигаясь вперед, приходится время от времени приостанавливаться, чтобы освоить то, что было сделано благодаря скачку. Такие процессы также характерны для современного этапа развития постсоветских обществ [6].

Какой из этих процессов является более “плодотворным”? И какой процесс больше содействует развитию духовных и цивилизационных начал?

Как это не звучит парадоксально, так называемый “застой” заставляет осмысливать происходящее, упорядочивает организацию и вызывает большое движение, нежели “разгул революции”, когда все крушится.

Несоответствие выдуманного мира и реальности составляет удобренную почву для появления утопий “революций”, театрализуя политический процесс и придавая ему маскарадность.

Технологические информационные средства же придают ему “нужную виртуальность”, создают “дом-2”, вытесняя реальные проблемы на обочину, выворачивая время и пространство наизнанку.

Складывается парадоксальная ситуация: после известных событий 7 ноября 2007 года правящая партия “Единое национальное движение” обратилось к социальной тематике, так как поняла главный изъян своей работы, которая привела к построению несправедливого общества “грубого капитализма” с резкой дифференциацией населения.

Правящая партия “похитила” лозунги и мессиджи партий как “слева”, так и “справа” на политической сцене Грузии. Укрепив “центр системы власти” “гибридного авторитаризма” инсайды взяли на себя большую ответственность за решение сложнейших задач, впоследствии несколько переложив ношу и на созданную ими “управляемую оппозицию” в лице ХДД, НДПГ и других мелких групп.

Работа была перенесена в парламент, но не в правительство, которое полностью контролируется президентом и правящей партией.

Если попытаться дать определение такой партии, то ее можно назвать “партией власти”. Не подходит понятие – “преобладающая партия” в условиях отсутствия конкурентной среды и монополизации властных ресурсов. Строительство властной пирамиды идет привычным путем “сверху вниз”.

Анализируя политическую архитектуру в современной Грузии, можно выделить несколько механизмов партотгенезиса, которые отличаются устойчивостью и не подвержены изменениям.

Во-первых, эта система коэволюции- выделения из “родовой партии”, формирующей позвоночник авторитарной системы, “удельных сателлитных партий мини-отцов”, претендующих на “наследство власти”. Так было, когда из “Союза граждан Грузии” “отца грузинской демократии” отпочковались – “Объединенные демократы” З. Жвания и “Единое национальное движение” М. Саакашвили в 2002 году. Этот “дуализм” создал предпосылки для разложения прежней системы.

Подобные процессы могут произойти и с нынешней партией власти” – “Единым нацдвижением”, в котором “крот партикуляризма” способен в условиях кризиса дать плоды.

Во-вторых, смена “родовой партии” тесным образом связана со сменой внешнеполитической ориентации.

Эдуард Шеварднадзе играл на “балансе интересов”, до известного теракта 29 августа 1995 года в руководстве независимой Грузии преобладала пророссийская направленность. Это даже сказывалось в том, что на “царском дворе” преобладали интересы партий “левого толка” – “Социалистической партии” В. Рчеулишвили и Лейбористской партии Ш. Нателашвили. В виду слабости центральной власти фактически роль второго центра выполнял “Союз Возрождения” А. Абашидзе в Абхазии.

Пытаясь играть на “балансе интересов” Э. Шеварднадзе содействовал усилению правоцентристских партий – “республиканцев”, “новых правых”, придерживающихся прозападной ориентации.

Ослабление власти “отца грузинской демократии” вызвало глубокий кризис, который был разрешен компромиссом Запада и России, они содействовали “революции роз” и приходу к власти “триумvirата” в лице З. Жвания – Н. Бурджанадзе – М. Саакашвили. В этом компромиссе был заложен камень преткновения, который раскрывает природу политических переворотов в Грузии. Он знаменует собой смену патрона, как внешнего, так и внутреннего, попытку преодоления организма “двойничества”, выхода из партикуляризма путем “возрождения новых партикулярных лидеров”, а затем их подавления.

В-третьих, в силу партикулярности, партии “мини-лидеров” составляют различные блоки и коалиции. Можно указать на многочисленные примеры таких химерических объединений, но они были настолько непрочные, что иногда распались сразу же после выборов.

В-четвертых, характерной чертой партий власти, добивающихся овладением всех властных ресурсов, является создание “сателлитных партий”, выполняющих роль “управляемой оппозиции” [7].

Они создают фон “здоровой критики” отдельных сторон процесса осуществления реформ стран “новой демократии”.

Перспективы формирования преобладающей партии в Грузии все-таки существуют. Это связано с тем, что как бы не была расколота оппозиция на отдельные клановые партии, они набрали определенный опыт политической борьбы. В Грузии существует гражданский сектор, представленный масс-медией, НПО, бизнес-средой, многие организации грузинских бизнесменов находятся за рубежом и пользуются поддержкой диаспоры.

Правящая партия, играющая на противоречиях внутри оппозиции, вынуждена в условиях политической и экономической нестабильности, создавать не только управляемую оппозицию, представленную в парламенте, но и подумывать о создании “двойничества власти” за счет своих же рядов.

Появилась информация о возможности выделения из правящей партии “Нацдвижения” “элитных групп”, которые могут впоследствии вылиться в партии. Информация может считаться абсурдной или парадоксальной. Но это только на первый взгляд. Во-первых, “Нацдвижение” многосоставное объединение, состоящее из различных кланов. Нет идеологии, которая их объединяет.

Объединяет все эти новые “элитные группы” – стремление к оптимизации властных ресурсов и харизма лидера. Ослабление харизмы лидера, неспособного решать кардинальные вопросы государственного строительства, осуществлять модернизацию страны и отвечать на вызовы, может и должно рано или поздно обнаружить потребность появления “двойника” – лидера модернизатора.

Тогда из рядов “Нацдвижения”, как это было и при Э. Шеварднадзе и его партии “Союза граждан Грузии” может появиться “оппозиционная партия”, которая совершит “мягкую передачу власти”.

В противном случае, возможен силовой вариант передачи власти, но это будет зависеть от многих других переменных величин: позиции силовых органов, степени внутреннего раскола правящей партии, уровня напряженности в обществе и способности консолидации усилий оппозиционных клановых партий.

Немаловажное значение, как всегда, будет иметь поддержка внешних акторов “контрреволюционных сил”. В рамках маятника постреволюционного развития будет наблюдаться процесс временного отката на позиции, отхода от лозунгов “фасадной демократии” и вступления на дорогу эволюционной социальной политики, и отказа от “революционных скачков”, независимо от того, какова доля пиарного материала в них вносится. “Элитная революция” будет заменена “контрреволюционным строительством” средних и нижних этажей модернизирующегося общества. Это так называемый период “уплотнения пластов” новой системы, отказ от “революционных методов” ломки, в том числе и т. н. “ментальной революции” [8].

Парадоксы вновь характерны для постреволюционной Грузии, переходного состояния формирующейся системы. Только время может показать, какие тенденции возьмут вверх.

Наступит ли очередной цикл появления “героя-строителя”?

Будет ли иметь продолжение спектакль по спасению Грузии, написан ли новый сценарий?

Кризис постановок нового этапа развертывания “цветной революции” продолжается. На этом этапе уходят в прошлое актеры, сыгравшие свои роли. Кто-то из них был удачным исполнителем, а кто-то исчерпал свои ресурсы и канул в неизвестность.

Режиссерам нужны новые герои и новые партии-движения, которые вдохнут свежую энергию в “грузинскую мечту” вступить в развитое общество.

В Грузии начался новый цикл национально-освободительного движения, героями которого пытаются стать актеры нового спектакля.

Лакмусовой бумагой, выделяющих их из когорты претендентов на “престол Давида Агмашенебели” (Строителя), является их харизматичность.

Но “эпоха правления” М. Саакашвили привела к парадоксу- харизматического толка эмоциональные актеры, игравшие на негативной волне противодействия имперским замыслам внешнего врага, исчерпали свои ресурсы и воспринимаются скорее как анахронизм, а не как “герои созидания”. Им трудно сыграть роль “Давида Агмашенебели”, хотя таковыми с помощью пиар-технологий они пытались себя представить.

Потребность на рационалистов-прагматиков в деле “уплотнения разрыхленной почвы” остро ощущается. Зритель устал от постоянных “революционных бурь”. Среднему классу нужна свобода и спокойствие, а народу “больше хлеба, чем зрелищ”. Поэтому содержание спектакля должно меняться, прежние сценарии “великих прорывов” в условиях кризиса либерально-демократической идеи на постсоветском пространстве превращаются в постановки фарса.

Нужны новые идеи, новые герои.

Это может быть новый герой из обоймы “партикулярных героев”, претендентов на овладение жезлом Давида Агмашенебели. Власть уже была уверена, что все кандидаты разбиты. Будут ли привнесены новые идеи? Или опять та же самая потребительская идея присоединения к “патрону”, не учитывающая природу разрушаемого национального организма?

Вступят ли на арену средние слои, или вновь только из верхов выделятся те, кто займется перераспределением власти?

Даже внешнее вмешательство в 2008 году и тяжелое поражение, потеря 20 % территории, не вызвала кардинальную смену парадигмы развития, чтобы вырваться из “смутного времени” и избрания “новой династии” – “героев-строителей”.

На политической арене опять представители высшего класса, “олигархи” – партикулярные лидеры. По всей вероятности, “ген партикуляризма” крепко засел в национальном организме. Отсутствие объединяющей национальной идеи, духовного

всплеска мешает зародиться идеи возрождения, и политическая жизнь вращается в канве противостояния 2 олигархических вертикальных центров. В этой борьбе победит тот центр, у которого окажется больше ресурсов для манипулирования низшим классом, одолеваемым социальными проблемами.

Все остальные сюжеты на тему “внутренний или внешний враг” могут составить только фон борьбы за власть, театрокрацию. Постсоветская система завязана на феномене дуализма власти, за лидером следует шлейф “дублера”, что предполагает смену “шута” “воинм-кшатрием”.

Та ситуация, которая сложилась в Грузии, ведет по накатанной колее, согласно предписанному сценарию, она должна привести к укреплению авторитарной системы.

Так заранее расписаны сценарии, которые развернутся на парламентских выборах 2012 года и президентских выборах 2013 года.

Но вот неожиданно в политику врывается олигарх Б. Иванишвили, который своими заявлениями от 7 и 12 октября 2011 года решил перечеркнуть все сценарии политического развития Грузии и представить свой проект создания нового грузинского государства.

Контуры его пока не совсем ясны. Но становится понятной политическая технология, опираясь на которую претендент на “нового героя-строителя” Грузии решил очистить себе политическое поле для маневра, создания политической партии.

Эти заявления являются первым ударом по созданной М. Саакашвили системе власти.

Какие можно сделать предварительные выводы?

Бидзина Иванишвили стремится покончить с образом двух Грузий – одной реальной и другой виртуальной, так называемой “Грузии-2”, страной – “лидером реформ на Южном Кавказе, локомотивом революции, демократии”.

То есть фактически развенчать картину “успешной страны”, которая является визитной карточкой революционеров. С виртуального языка перейти на прагматичный язык реальных проблем Грузии.

По сути дела, это задача – очистить политическое поле от всего наносного, лживого, “театра абсурда”, карнавала-шоу, продолжающегося не один год.

Это предполагает необходимость покончить с партикулярной демократией, децентрализацией страны, партикулярными лидерами, неспособных объединить страну на основе “моделированных хроник”. Поэтому явно звучит идея о необходимости нового лидера, не виртуального объединителя страны, а строителя нового грузинского государства.

Это призыв построить разделительную линию с теми, кто желает продолжать оставаться в виртуальном государстве. И с теми, кто решил создать реальное постсоветское государство.

По сути дела, предлагается политический проект создания нового центра власти – с ведущей оппозиционной партии вместе со своими союзниками, финансовым и идеологическим центром. Наряду с этим ставятся задачи изнутри вызвать разложение правящей партии “Нацдвижение”. Вывести из ее рядов прагматичных и профессиональных политиков.

Присутствует и следование традиционным мифологемам – мифологизация самопожертвования во имя новой идеи.

Все это должно привести к новой расстановке политических сил – новая партия явно претендует на протестный электорат, как на левом, так и на правом фланге, отбирая его у лейбористов, новых правых, “карманной оппозиции – ХДД, НДПГ. Это продуманная тактика завоевания политического поля.

Идеи раскола (размежевания) и единения составляют диалектику процесса собирания нового центра власти. Такова логика сложения власти.

Поэтому на политической сцене видно стремление власти ограничить финансовые возможности другого центра. Для этого принимаются изменения в “Закон о политических объединениях граждан”, ограничивающий возможности финансирования юридическим лицом и физическим лицом политической партии. Ограничиваются возможности

оппозиционных средств меди (это история с временным закрытием оппозиционного канала “Маэстро”, предположительного информационного центра Б. Иванишвили) и продажи оппозиционных газет в киосках.

Власть принимает меры и в отношении избирательного кодекса, чтобы сохранить неопределенность с избирательными списками, которыми можно манипулировать. Поэтому принципиально последовал отказ от внедрения биометрических паспортов. Независимые эксперты считают, что в Грузии фактически 2,4 млн избирателей, хотя власти преподносят, что численность избирателей равна 3,6 млн человек. Опять “мертвые души” могут решить судьбу выборов.

Между двумя политическими силами – партией власти и оппозиционным центром Б. Иванишвили, который оформился после съезда “Грузинская мечта” 11 декабря 2011 года в политическое движение, а позднее в партию, началась “соревнование результатов соцопросов”. Они весьма противоречивы. Социологические опросы, проводимые Национально-Демократическим институтом США и Международным Республиканским институтом дают показатели, свидетельствующие о превосходстве “Нацдвижения” над политической коалицией “Грузинская мечта” (соотношение в среднем в пределах 42 % – 25 %). Это вызвало со стороны оппозиции активную негативную оценку по отношению к НДИ и МРИ. Последовало обращение со стороны Б. Иванишвили к послу США Дж. Бассу с просьбой не публиковать политических рейтингов партий Грузии до начала парламентских выборов октября 2012 года.

“Грузинская мечта” публикует результаты социологических опросов более “независимых социологических групп”, как Forsa из Германии. Согласно этим опросам, соотношение выглядит как 49 % к 43 % в пользу политической коалиции “Грузинская мечта” [9].

В нее вошли помимо самой “Грузинской мечты” – “Свободные демократы”, “Республиканцы”, “Консерваторы”, “Национальный форум”, “Промышленники спасут Грузию”. Коалицию поддерживают “Партия зеленых Грузии”, “Социал-демократы Грузии”. Эта широкая коалиция как правых, так и левых политических сил.

Некоторые эксперты и политики, в частности, лидеры лейбористов и “новых правых” утверждают, что создание двух полюсов власти парализовало оставшуюся не у дел часть оппозиции. И осуществляется проамериканский план прихода к власти “Миши-2”, который закрывает доступ к альтернативным путям развития политической системы Грузии, оставляет ей возможность возвращаться в “кавказском меловом кругу”.

Все это может катализировать попытки создания третьего центра силы. Но вопрос заключается в том, насколько они могут быть удачными при отсутствии харизматического лидера и символических ресурсов? С новой силой возобновилась постановка “театральных спектаклей”.

“Грузинской мечте” грузинского миллиардера Б. Иванишвили М. Саакашвили противопоставил “свою мечту – строительство города Лазики” – как “окна в Европу”.

Продолжение ли это прежнего спектакля или новый спектакль, который должен остановить стремления “нового спасителя – героя-строителя”?

В этом спектакле стала фигурировать и “религиозная тема”. Власть пропиарила тему восстановления грузинских церквей на территории современной Турции (в древнем княжестве Тао-Кларджети, откуда по образному выражению Н. Я. Марра, “есть пошла грузинская история”). Но взамен этого Турция требует строительства мечети Азиза в центре Батуми, что вызвало возмущение Грузинской Патриархии и значительной части христианской паствы и мусульман Аджарии.

Чтобы снизить волну недовольства, представители власти бросили через контролируемые ею государственные каналы телевидения виртуальную идею о возможности возвращения Крестового монастыря в Палестине, символа грузинского православия в древности, в котором изображена фреска Шота Руставели. Но исходя из многих обстоятельств осуществление данной идеи вряд ли возможно.

Даже религиозная тема стала орудием виртуального манипулирования в внутриполитической борьбе.

Образ “шута” позволяет играть в демократию, представляя спектакли –шоу о “преобразовании страны в лидера – реформ в регионе, создавая “потемкинские деревни” как витрины “транзитной туристической страны “нового Сингапура”, “ворот транзитного моста из Европы в Азию”.

Завязывается “старо-новый” сюжет внутреннего противостояния высшего класса постсоветской элиты. Действует тот же самый механизм “коэволюции” смены власти, не меняя природы самой власти.

Представители власти усиленно внедряют в общественное сознание идеологемы – борьбы будущего с прошлым, призывая электорат не голосовать за тех, кто желает возвращения в прошлое.

Их противники-близнецы разворачивают идею “грузинской мечты” – превращения Грузии в эталон демократии, страны, где более 60 % населения относится к слоям, мечтающим о достойном прожиточном минимуме.

Между собой главные претенденты за “души мечтателей” говорят языком “холодной войны”, не допускающей компромиссов.

Они ставят мизансцены противоборства, и большие шоу, чтобы еще раз вовлечь население, потерявшее веру в быстрое исцеление, в очередное “грузинское чудо”.

Очередным актом постановки политического спектакля стало решение М. Саакашвили назначения премьер-министром В. Мерабишвили, “железного человека” в команде президента, успешно осуществившего реформу полиции. Грузинская полиция стала “витриной перемен”, демонстрацией успеха “демократической власти”.

Чем был вызван столь неожиданный, но все-таки предполагаемый политический ход М. Саакашвили, вождя “революции роз”?

Это можно объяснить несколькими обстоятельствами, которые выстраивают закономерную цепочку развития революции.

Тенденции авторитарной власти привели к избавлению от “дублеров”, сужению конуса властной структуры, что привело к закреплению созданной системы. Политический спектакль перестал быть интересным и содержательным, как для внешнего патрона, так и внутреннего потребителя.

К тому же стал появляться второй центр в лице “олигарха” Б. Иванишвили в силу действия организма коэволюции, который стал ставить акты спектакля “надежды, грузинской мечты”, обещая решить злободневные проблемы аутсайдеров: покончить с безработицей, нищетой, возродить сельское хозяйство, обеспечить достойный уровень жизни.

Имидж “народного героя” стал моментально таять, поэтому появление “железного человека” В. Мерабишвили в противовес Б. Иванишвили представляется “вождю революции” попыткой остановить продвижение на политический олимп бывшего спонсора системы.

Особенно не лукавствуя в программе В. Мерабишвили звучат те же обещания совершить “грузинскую мечту”. Это двойник “олигарха- бизнесмена”, но в лице “первого полицейского”. Все это выглядит зеркальным отражением театрального представления сложившейся авторитарно-полицейской системы восточного типа, в которой элементы демократии выполняют фасадную функцию.

Интересны и другие последствия постановки заключительного акта спектакля на данном этапе развития грузинской цветной революции.

Сможет ли “вождь революции”, все больше превращающий его в диктатора, выполнить роль могильщика сложившейся системы?

“Уход В. Мерабишвили” в политику привел к усилению тех кланов, которые особенно выиграли от последствий революции и составляют ее наиболее радикальные части. Они не желают делить власть с другими группировками – “революционными клонами”. Это привело

к ослаблению “центра системы”, которого исполнял В. Мерабишвили. “Диктатор революции” пожертвовал еще одной “тяжелой фигурой” на политической шахматной доске и сам себя поставил в затруднительное положение, загнал себя в угол. Опорой на клан Ахалая (один брат стал министром ВД, а другой зам. министра обороны) усиливаются карательные функции авторитарно-полицейской системы и это не открывает перспективы ее демократизации.

Сценарии дальнейшего развития событий в Грузии в год парламентских выборов могут быть различными.

К ним активно готовятся как правящая партия, так и политическая коалиция “Грузинская мечта”.

С помощью Контрольной палаты власть пытается ослабить оппозицию путем финансово-силового давления, идет борьба за использование финансовых рычагов на избирателя. Этим уже недовольны на Западе, известно заявление посла США в Грузии Дж. Басса о необходимости создания равных условий для всех политических субъектов на выборах. В этом контексте появляется законопроект конгрессмена Р. Макдермота “О демократии в Грузии”, внесенный им в Конгресс о прекращении политической и финансовой помощи Грузии в случае фальсификации выборов в Грузии. В таком же ключе было выдержано выступление нового посла США в Грузии Р. Норланда, госсекретаря США Х. Клинтон, посетившей Грузию 5 июня 2012 года и заявившей о необходимости конституционной передаче власти новому лидеру революции. Все это говорит о том, что “двойник” начал активную работу через лоббистские организации США для того, чтобы выбить почву из-под ног слабеющего режима авторитарной власти.

Возникает парадоксальная ситуация – атаки против “двойника” больше обнажают слабые стороны самого авторитарного режима и готовят предпосылки для его разложения.

Существует опасность, как бы “виртуальная война” не вышла из-за рамок допустимого (хотя правила поведения политических противников в Грузии так и не выработаны), не переросла в реальное столкновение, чреватого непредсказуемостью. В Грузии до сих пор смена власти не происходила цивилизованно, путем справедливых и демократических выборов. Вот это и представляет главную опасность.

“Период смутного времени”, может быть, завершится избранием “нового царя”, “новой династии”, если будет выдвинута новая идея возрождения Грузии и найдены пути объединения страны.

Можно проследить и определенную логику смены политических лидеров на политической сцене Грузии.

Первым демиургом был “радикал-националист” (З. Гамсахурдия), его сменил “прагматик” (Э. Шеварднадзе). Исходя из двойничества грузинской власти, они представляют собой “близнецов-антиподов”, своеобразное проявление природы грузинской власти.

Михаил Саакашвили представляет собой симбиоз предыдущих лидеров – “демиургов власти”, он несет в себе характерные черты националиста и прагматика, являясь наследником своеобразного дуумвирата.

В различные периоды его правления проявились черты как “национального героя”, так и прагматика глобализма. Это практически “открывало дорогу” его “дублеру”, который бы лучше сыграл свою роль при выполнении уже следующей задачи – “уплотнения почвы”.

Однако, политика М. Саакашвили в большей степени носит театрально-виртуальный характер. Ей присуще акцентирование “особенности грузинского государства как центра в регионе Кавказа”, претензии сыграть роль “локомотива в продвижении глобальной демократии”. Грузия придает не самостоятельную роль в регионе, а функцию выполнения задач, поставленной центрами глобализма. Виртуализация политика закрыла каналы развития реальных связей, сузила рамки появления “реальных политиков”, способных стать лидерами.

Новый демиург может появиться путем коэволюции правящей политической элиты, или из кругов, близко связанных с ней.

Это будет симбиоз лидера “прагматика-националиста”, который должен “уплотнить почву” в отличии от “революционеров”, которые “почву перевернули”.

Повторяется не только проложенная колея, но и опора на “постоянных союзников”. У “нового мессии” из правящей элиты, точнее покинувшего правящую элиту, те же самые “республиканцы”, но вместо “новых правых” Д. Гамкрелидзе партия “свободных демократов” И. Аласания.

Опять заявляется о верности западной ориентации, западным ценностям, о предначертанности западного вектора “древнейшей европейской страны”. Идут “новые варяги”, расположенные более последовательно решить существующие проблемы, но более прагматичные в своих целях. Они отвергают революции как формы, что на фоне “арабских революций” выглядит немного странным, но обещают быть приверженцами демократических методов. Идет буржуазия, уставшая от радикальных реформ, всемогущие силовые органы, монополии власти, диктата над свободным предпринимательством. Как ни парадоксально, их лидером является миллиардер, который до 2008 года содержал власть революционеров. Что это смена “революционера-бюрократа” – “прагматиком-буржуа”, начало этапа “уплотнения” созданной системы или новая встряска?

В новом завязываемом акте спектакля в обществе риска можно увидеть новые оттенки. Негативная волна с 1989 года вызывала психологический всплеск эмоций и потребность на харизматических лидеров политической сцены, отличавшихся эмоциональностью, неординарностью.

Отсутствие “стройного мировоззрения”, национальной идеи в условиях кризиса идеологии компенсировалось суррогатом идей неолиберализма и национализма. Все это проявилось в цикличности кризисов создаваемой постсоветской системы. Отражением этого процесса явилась и экспортированная на грузинскую почву “революция роз”.

Грузинский политический театр переживает глубокий кризис: ее игроки играют по шаблонным сценариям, фабула которых не меняется, на сцене маячат те же герои-антигерои. Ресурсы спектакля представляются исчерпанными.

Новый виток всплеска политической энергии начался с 2012 года – года парламентских выборов, с которыми политики и эксперты связывают начало нового этапа развития постсоветской Грузии.

Связывают вновь с приходом спасителя, нового харизматического лидера. Подходит ли к этой роли Б. Иванишвили? Это не типичный харизматический лидер с учетом грузинской специфики. В отличие от прежних лидеров Грузии миллиардер привнес в грузинскую политику рационализм, следование определенной рациональной схеме, что так недоставало грузинской политической сцене. В этом можно видеть определенную закономерность, отмеченную исследователями: “Революции иррациональным путем разрешают иррациональные противоречия старого строя, чтобы расчистить дорогу для новой более или менее рациональной эпохи” [10].

Рационализм и деньги могут вытеснить другие ценности с политической сцены, хотя политическая коалиция “Грузинская мечта” заявляет о приверженности национальным ценностям. Впрочем, для всех новых акторов на грузинской политической сцене это, как показывает предыдущая история, является проходным баллом.

Поэтому парламентские выборы в октябре 2012 года могут стать “решительным и последним боем” клановых групп “детей революции”.

Но 2012 год будет напряженным, отягощенный “провокациями и мотивированных хроник”, ставшими питательной средой для постановки спектаклей “постсоветского зрителя”. Некоторые из них приняли кровавый характер, как это произошло в конце августа 2012 года при проведении спецоперации в ущелье Лопота. Это стало копией “воплощения моделированной хроники”, разыгранной по телеканалу “Имеди” 13 марта 2010 года.

Провокации всегда сопутствовали развитию внутриклановой борьбы – накануне выборов ситуация продолжала накаляться. Международные институты, главы государств-партнеров Грузии выражали недовольство резкой поляризацией внутреннего противостояния, что грозило эскалацией политического процесса.

Предвыборный сценарий правящей партии в последние недели перед выборами был рассчитан на постановку больших шоу-спектаклей “открытия храма Баграта в Кутаиси”, являющимся символом единства Грузии, и “новых ворот модернизации – Лазики”, достигнутого прогресса в развитии демократии – нового Дома юстиции в Тбилиси.

Эти постановки, так как и “всемирный съезд “Нацдвижения” в 11 городах Грузии должны были продемонстрировать ведущую роль “доминантной ведущей партии революционеров и его вождя в движении Грузии в евроатлантическое сообщество”.

Доказать, что “коней на переправе не меняют”, и “возвращение в прошлое невозможно”.

Но внутренние противоречия созданной системы, “фасадно проведенных реформ”, глубокие противоречия “революционного процесса ломки прежней ментальности”, социально-экономической отсталости, отражающей глубокую пропасть между “верхами и низами” системы вышли наружу.

Авторитарная система, построенная на насилии и бесправии большинства населения, выбросила страшные кадры насилия по отношению к заключенным.

Можно не сомневаться, что провоцирование стало составной частью политического спектакля, в котором преуспела как власть, так и ее противники. Это оказалось весьма опасным оружием в условиях резкой поляризации политической жизни страны.

“Модернизированные хроники” из состояния фарса стали трансформироваться в политическую трагедию.

Заключительные кадры трагифарсовой постановки спектакля “постреволюционной системы” были представлены в ходе парламентских выборов, состоявшиеся 1 октября 2012 года. На них победу, получив 54,85 % голосов, одержала политическая коалиция “Грузинская мечта”. Миллиардер Б. Иванишвили стал новым претендентом на место в ряду “героев-строителей”.

В результате проведенных парламентских выборов октября 2012 года в Грузии сложилось “двоевластие”. У власти до октября 2013 года остался президент М. Саакашвили, представляющий “Единое национальное движение”, а с другой стороны, важнейший пост премьер-министра получает лидер победившей оппозиции “Грузинская мечта” Б. Иванишвили. Их внутреннее противостояние может составить содержание и динамику переходного периода.

Время покажет, будет ли осуществлена ли на новом политическом витке грузинской истории очередная “грузинская мечта”, будет ли раскрыта новая страница грузинского политического театра.

Список использованных источников

1. Сулаберидзе Ю. Пути преодоления кризиса // Украина–Европа–Мир. Международный сборник научных трудов Тернопольского национального педагогического университета им. В. Гнатюка. Серия: История, международные отношения. – 2011. – Вып. 6–7. – С. 219–229.
2. Режим доступа: www.maestro.ge/?address=uc&id=282878 page=1.
3. Фисун А. Политическая экономия “цветных революций”: неопатримониальная интерпретация // Прогнозис. – 2006. – № 3. – С. 228.
4. Ги Дебор. Общество спектакля. – М., 2000. – С. 40.
5. Смэлзер Н. Социология. – М.: 1994. – С. 142–143.
6. Пастухов В. Украинская революция и русская контрреволюция // Полис. – 2010. – № 5.
7. Нодия Г., Сколтбах А. Политический ландшафт Грузии. Политические партии. Тб., 2006. (на груз. яз.).
8. Рябов А. Промежуточные итоги и некоторые особенности политической трансформации // <http://www.polit.ru/lectures/2010/08/12/ribov.html>.
9. Режим доступа: www.maestro.ge/?address=uc&id=350499 page=1.
10. Пастухов В. Украинская революция и русская контрреволюция // Полис. – 2010. – № 4. – С. 14.

Юрий Сулаберидзе

НАЧНЕТСЯ ЛИ НОВЫЙ ЦИКЛ ГРУЗИНСКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ: В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

В данной статье автор анализирует политические процессы, происходившие после августовской войны 2008 года. Они обнаружили глубокие внутренние противо-

речия созданного в результате “революции роз” политического режима, которые обусловили его кризис и поражение на парламентских выборах 2012 года.

Ключевые слова: кризис постсоветского общества в Грузии, партикулярность, политическая игра, коэволюция правящей элиты, общенациональный лидер.

Yuriy Sulaberidze

WILL THE NEW SERIES OF POST-SOVIET GEORGIA HISTORY BEGIN: IN SEARCH OF A WAY OUT OF THE CRISIS

The author of the article analyses the main peculiarities of the contemporary Georgian political theatre as the political culture. The archetypes and stereotypes underlying the virtual political performance, which is the proof of the split in political elite of Georgia, are disclosed in the article.

Key words: crisis of the post-Soviet society in Georgia, particularity, the political game, co-evolution of the ruling elite, the national leader.